

Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ЖЕНСКОМ ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ)¹

Аннотация. В статье описывается коммуникативная стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе. Источником послужили устные автобиографические рассказы, записанные в процессе диалектологических экспедиций, в период с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Рассмотрены две тактики стратегии самопрезентации: тактика передачи объективной информации и передачи субъективной информации. Их вербализация осуществляется с помощью разнородных языковых средств. Выявлено, что положительная самопрезентация связана с моральной составляющей, отрицательная – в большей степени с физической. В процессе реализации стратегии самопрезентации женщины демонстрируют соответствие сложившимся социальным нормам и жизненным принципам, принятым в сельском обществе.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, самопрезентация, гендер, дискурс, диалект, говоры Среднего Приобья.

Последние десятилетия в отечественной науке отмечены большим количеством работ, посвященных вопросам самопрезентации языковой личности. Данные исследования проводятся психологами, социологами, историками, культурологами и лингвистами.

Самопрезентация понимается как способ управления впечатлением [1, 2], как социальная самость [3], самоподача [4, 5], представление желаемого образа аудитории [6, 7], манипуляция [8] и т.д.²

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-312-90046 «Экспликация разных типов самоидентичности в женском диалектном дискурсе».

² Более подробно см.: Журавлева И.А. Феномен самопрезентации личности в психологии // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 13. С. 248–253.

И. Гоффманом самопрезентация рассматривается как общая особенность социального поведения, как постоянный процесс предъявления Я-информации, который изменяет свой характер (осознаваемый / неосознаваемый) в зависимости от целей индивида – субъекта самопрезентации и специфики социальной ситуации [1]. По мнению О.А. Пикулёвой, «общаясь с окружающими, человек использует широкий спектр тактик и стратегий самопрезентационного поведения. Какие-то тактики используются нами осознанно для достижения конкретных целей, какие-то неосознанно, как реактивное поведение (обычно в рутинных для человека ситуациях)» [9. С. 69].

В настоящем исследовании самопрезентация рассматривается как коммуникативная стратегия, которая присуща любому виду общения и представляет собой демонстрацию человеком своих личностных характеристик [10]. Коммуникативная стратегия определяется как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего (глобального намерения, по ван Дейку). Тактика описывается как одно или несколько речевых действий, которые способствуют реализации стратегии [11].

Самопрезентация тесно связана с понятием самоидентификации. В различных ситуациях стратегия самопрезентации может реализовываться отдельно от самоидентификации, совмещаться с ней или нейтрализовываться [12].

Изучению стратегии самопрезентации посвящены работы многих лингвистов. К настоящему моменту она была рассмотрена на материале следующих типов дискурса: массово-информативного [10], автобиографического [13], политического [14, 15], судебного [16], военного [17] интернет-дискурса [18] и др. Определено, что характер и содержание стратегии самопрезентации зависят от типа дискурса, в котором они воплощаются. Важное значение имеют такие параметры, как цель дискурса, жанровые характеристики, участники и контекст общения, форма коммуникации и содержательная составляющая. Большую роль играют социально-исторические и культурные факторы, так как человек, рассказывая о себе и своей жизни, осознанно или неосознанно выстраивает свой образ в соответствии с социальными установками и культурными ожиданиями (в том числе гендерными), является носителем и индикатором системы нравственных норм и ценностей определенной социальной группы.

Предметом нашего рассмотрения является вербализации коммуникативной стратегии самопрезентации в женском диалектном дискурсе.

Под женским диалектным дискурсом понимается гендерно маркированный тип диалектного дискурса. С одной стороны, он вбирает в себя все черты диалектного дискурса, с другой – имеет ряд особенностей, обусловленных гендерной принадлежностью субъекта дискурса.

Гендерно маркированные типы дискурса отражают специфическую женскую или мужскую систему ценностей, выраженную лингвистическими и экстралингвистическими средствами. Одной из составляющих женского или мужского дискурса является категория участников общения. Так, автор-женщина как участник дискурса проявляет своеобразие женской языковой личности и языкового сознания [19, 20].

Источником исследования послужили устные автобиографические рассказы, записанные в процессе диалектологических экспедиций, организуемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Всего было проанализировано 760 текстов. Информантами являются женщины в возрасте от 55 лет, рожденные с 1870 по 1954 г.

Анализируемые тексты характеризуются высоким весом самопрезентационного компонента, поскольку ситуация общения диалектолога и диалектоносителя детерминирует сценарий с определенным набором тем: это сообщения о дате и месте рождения, о семье, о возможных переездах, о событиях в личной жизни, о сферах деятельности, о детях, их судьбе, о жизни в настоящее время, об оценке своей жизни и каких-то событий. Развернутый ответ на просьбу диалектолога рассказать о себе и своей жизни неизбежно приводит к использованию стратегии самопрезентации в своем нарративе.

Стратегия самопрезентации актуализуется через набор коммуникативных тактик.

Описание тактик осуществляется в несколько этапов:

- 1) выявление и типологизация основных тактик стратегии самопрезентации;
- 2) анализ плана содержания тактики;
- 3) описание языкового выражения тактики.

На основе характера предоставляемой информации (наличие-отсутствие субъективного, оценочного компонента) в женском диалектном дискурсе выделяются ключевые тактики, посредством которых реализуется стратегия самопрезентации: тактика передачи объективной информации и тактика передачи субъективной информации. Тактика передачи субъективной информации представлена двумя разновидностями: передачей положительной информации и передачей отрицательной информации.

Рассмотрим их подробнее.

1. Тактика передачи объективной информации о себе.

Данная тактика предполагает передачу фактической информации логического характера, которая основана на фактах и сведениях: возраст, семейное положение, наличие / отсутствие детей, профессия, место жительства и т.п. [10]. Предоставление информации, как правило, спровоцировано конкретными вопросами диалектолога.

Языковые средства вербализации анализируемой тактики достаточно разнообразны:

1) числительные: *Монастырка, я и родилась в Монастырке в срок девятом году; Я родилась в тыща девятьсот тридцатом году, в деревне Иванкино, Колпашевского района, за Колпашево там;*

2) собственные имена существительные: антропонимы, топонимы: *А зовут меня Анистья Микитишна Войцеховская!; Я родилась не в Томске, я родилась в деревне, но сразу, вскоре переехали. [А в какой деревне?] Жарковка Шегарского района. Вот. Переехали в Томск;*

3) высказывания, в которых используется самоидентификационная формула – **имя (местоимение) + таксономический / характеризующий предикат**, которая выражает следующие типы самоидентификации информанта:

– Возрастная: **Я – молодая / старая / старуха / пожилая**: *Раньше, как чуть жаря, волосы ведь большие носили, не подстригали. Я вот старуха и то теперь не люблю, обрежу. А тод'а волосы не обрезали, волосы были большие; А теперь уже я старая, у меня зуб нет.*

Стоит отметить, что вербализация возрастной самоидентификации не всегда строится на основе базовых самоидентификационных формул. Высказывания, содержащие объективную информацию о себе, могут иметь различные модификации в исследуемых текстах. К подобным способам относятся случаи неявно выраженного на поверх-

ностном уровне самоидентификационного суждения, когда его приходится восстанавливать, исходя из содержания или связанной с ним контекстуальной / ситуативной информации. Возрастная самоидентификация автора может быть реализована через вербализацию оппозиции «молодость» – «старость», которая объективируется как при рассказе о современной молодежи, так и в воспоминаниях диалектоносителей о времени их молодости: *Но я была полная и здоровая, не то что высохла шишас. Эти места [щиколотки] потрескаются, больни'цев не было, намажешь со'лей и всё; В твои-то года' я была как кровь с молоком. Знашь как я осталась, как налито'чек, как девчонка.*

– Локальная: **Я местная, Я здешная / издешная, Я привезённая, Я деревенская**: *Муж у меня не местный, я местная. Я местная; Урожденка zde'шина я; Я привезённая сюда. Я в первом классе ишишо' была; Родилась в Зырянском. Малограмотная. Давно. Я zde'шина; Изде'шина. Дык у меня первый муж на фронте погиб; Я привезённая сюда. Я в первом классе ишишо' была; Она старенькая, конечно, с девятьсот шестого года, она в деревне росла тоже, да и я деревенская, господи, какая, в городе от, ну чё Колпашево, это большая деревня, а так я считаю себя деревенской.* Локальная самоидентификация реализуется через оппозиции «село» / «деревня» и «город», «местный» – «неместный», которые наделяются атрибутивными свойствами «своего» и «чужого»: *Хотела, в прошлом го'де заболела, меня увезли на Почтовый, я там месяц побыла – нет, я говорю, везите меня домой: я тут не могу в городе жить, мне надо деревню; [А где больше нравилось жить, в городе или в деревне?] Да мы приехали к деревне, нам кажется ши'бко в деревне хорошо. Потому что чё... не знаю, девять лет прожили мы в городе... Нет. Привы'кша, видишь. Родились мы тут и... поэтому нас сюда и тянет.*

– Профессиональная, представленная существительными – названиями профессий: *Всю жизнь я была бухгалтером, начиная с сорок первого года. Как война началась, в нашей деревне бухгалтера забрали в армию, и как я села на его стул, так до семьдесят седьмого года, до первого марта; Я конюхом была. У нас не спрашивали, что женщина работала, что мужчина. Лошадей двадцать было, бык был.*

В анализируемом материале частотны упоминания профессиональных достижений – женщины сообщают о различных статусах, званиях, наградах: *Вот такая жизнь!* Спасибо рыбзавод помогает,

открытки мне присылает к празднику. Я так рада, они меня как маленькую те'шут. Как пришлют, я деточкам похвастаюсь обязательно. Они мне каждый месяц премию давали – это когда я на рыбзаводе работала. Ну, я тоже старалась; Всё время работала. Наград много. Я **ветеран труда**, да трудовая книжка не вся исписана. Я ещё до этого работала на лесозаготовке, а так всё на производстве; В двенадцать лет, десять-двенадцать лет я... мы уже ходили на работу. В колхозе мы ходили пололи посевы. От... осота рвали руками, дёргали, вот. Вот у нас старшая дево... это, ну, сестра моя на два года, мы с ней вместе ходили работать. Мы заработали за одно лето, **нам почётные грамоты дали**, мы по триста трудовней заработали; Были, у меня **всё есть, и премии, и медали есть у меня, и эти, почётные грамоты. Орден**, у меня **орден есть один; Благодарственное письмо**, откуда, не знаю. Света, ещё одну, наверно, достань, там не все тут. Это тоже вот **грамота**... Вот обо мне тут стихотворение, прочитайте тут. [Какую, мам?] Доставай, я найду. Читайте, вслух. [Читают стихотворение.] Это женщина одна писала стихотворение. А это дети. Может, Светлана... эта Елена взяла, на какой-то взяла... [Ой не знаю, не знаю. Все тут. Какие тебе давать-то?] Ну давай этот. [А вот тут у тебя ещё какая-то тетрадь.] Вот, где **грамот-то** полно. [Вот ваш хор.] Ну подай этот, пусть смотрят.

– **Семейно-клановая**: Два правнука. Они правну'ки, а я бабушка, это от дочерей внуки, а таких внучат шесть или восемь, а правнуча'ты двое и я прабабушка.

– **Гендерная**: А получили по пейся'т, пейся'т шесть рублей, даже мужчины по полсотни рублей получали. А я женщина семьдесят семь.

– **Религиозная**: Я верующая, я в бога верую, я молюсь всегда в церкви. В Парабе'ли церковь убрали, я езжу в церковь в Тогу'р; Я церковь-то не ходила, а верующая; [Скажите, а вы в приметы верите?] Я не... не знаю как... Приметы – какие приметы? Я – человек верующий, я Богу верю. Так что... нет.

Таким образом, проанализированная тактика служит средством актуализации разных видов самоидентичности.

2. Тактика передачи субъективной информации.

Данная тактика содержит оценку респондентом своих внешних данных, черт характера, интеллектуального уровня, жизненного опы-

та, описание эмоционального состояния, интересов, демонстрацию аттитудов (Дубских, 2008).

Чаще всего речь идет о позитивной самопрезентации, однако не исключена и цель создания неблагоприятного мнения о говорящем субъекте. Поэтому в рамках данной тактики мы выделяем две ее разновидности: передача положительной и отрицательной информации о себе.

1. Передача положительной информации о себе.

Положительное впечатление о себе в женском диалектном дискурсе эксплицируется через создание достойного в представлении информанта образа, соответствующего социальным и морально-нравственным нормам.

Важнейшей нравственной ценностью и источником уважения в традиционной культуре является труд, который выступает критерием оценки жизни человека в целом: *Ну и слава богу, прожили. И я нисколько не эта говорю, что ишишо' бы мне охота пожить. Я прожила хорошо. Я работала честно, отработала хорошо. Никогда' меня никто не ругал. Я ни разу не пропьянствовала, всегда на работе. Много лет в столовой работала, в нашей, в той, кода' комплекс этот строили, у нас там деревя'нна была столова, триста с лишним человек кормили, работали. Дополна. На кострах варила там трактористам. В общем, я работала много.* Позитивный образ создается и за счет отрицания негативных характеристик: *А раньше на курорты съездила, поощрили меня, я хорошо работала. Никогда не было замечаний за мной, никогда.* К своим положительным качествам информанты относят ловкость и выносливость в работе: *Я смолоду ешишо' така' работя'шиная была, всё в руках горело. Меня за это и дома любили, и свёкор со свекру'хой не забижа'ли. Больно уж я ладная была да за работой ловкая. Но'нче-то девки не ши'бко работают. Мне мать всё говорила: «Отдыхни', доченька», а я уж пока своё не сделаю, ни за что не присяду, и в голове у меня этого нет. И у мужа в дому' всё сама посде'лала. В войну заме'сто мужика сама работала, борону за собой таскала.*

Анализ материала показал, что женщины демонстрируют следующие черты характера и жизненные принципы:

– Честность, порядочность, спокойный нрав: *Потому и в буфете работала. Мне всегда говорили: «Ничё себе не бери, а береги детей».*

Я сколько работала, кусочка лишнего не взяла; Ну это обман, это тоже, это ведь не хорошо. Он всё равно там видит. Это обманом ничего не сделаешь. Вот Вера у нас Палкина. Она же тоже по благу получила. Пух дала и этой врачихе, она ей сделала инвалидность. Ну зачем это? А я ей в глаза сказала. **Я неправды не люблю.** Я вот это место ей на лавочке сказала. Я ей сказала: «Молчи, Вера». Я говорю, я знаю, ты за чё получила, говорю, инвалидность. Молчи лучше, говорю, лучше, вот так вот. Не ругаюсь, ничё. Я не ругалась, просто сказала; Каждый квартал премию получала, значит, в тот период считали, что хороший работник. **Ни с кем не скандалила, не спорила...** Ну на работе, конечно, ко мне относились очень хорошо, я с людьми умела работать.

– Чистоплотность: А я была такая **чистюля**, я и вот от ро'ду, не то что хвалюсь, это истинно правда вот. Так она молодец – чистю'нька; Я такая **чистю'лечка**, что только вот вымою, приду, они мальчишки – настроят.

– Умение шить, вязать, вышивать, ткать: Теперь никто ничё не делают: не шьют, не вышивают. **Я мастерица была.** Выбивка – это сейчас называют шитье', вышитое.

– Гостеприимство: Ко мне вообще они ходят и в кино все сюда ходят. Многие и всё чай пьём. И никогда никто не уходит без чая. У нас все дружные здесь бабки. Вот так вот. У нас одна здесь: никогда не посо'дишь чай пить. Я грю, ну едри'т твою мать, да это что такое за человек. Я вообще люблю к кому приду, хоть вот сыта. Мене скажут садись чай, я обязательно чай выпью, но я исть не хочу, но я чай-то выпью. **Я не люблю таких людей. Я люблю, чтобы ты поел и я всегда... Я никогда без чая не отпущу.** Меня хоть кто придёт. Чужи'... У меня много очень знакомых. Много...; Надя у меня хорошая девушка, хорошая. У неё тоже подруг всегда полно. А отец – он скупой. Он не любит меня: какая ты простова'тенькая. И ты вся в мать, гыт, уродилась. А я, грю, это хорошо. Я, грю, **если я человека чаем напою, мне оттуда Бог даёт.** Я грю, я голо'дна никогда сидеть не буду.

– Отрицательное отношение к алкоголю: От водки столько погибло. Э-эй! Ну и при нас же она была, а не пили так. На производстве соберёмся, погуля'шь немного, попляшешь. **Я в рот не беру, а живу, не померла ещё.**

– Соответствие внешнего вида принятым социальным нормам: **Я очень хорошо голову свою носила.** Раньше ведь было позорно с длинными-то волосами перед людьми ходить, да и перед своими тоже. Я ма'ленька помню ещё была, эту Библию взрослые читали, и мы с матерью тут сидели, и написано там, что будут девицы ходить по улице, и будут девицы бесстыдные ли'цы. Как волосы сейчас носите. А мне тогда шибко странно было это слышать, даже страшно немного. Раньше платок после бани носишь, пока не расчешешь. Даже перед своими не смеешь безголовой пройти.

Демонстрация жизненных ценностей и принципов осуществляется в женском диалектном дискурсе через положительную характеристику близких родственников. Так, например, достойное поведение детей представляется результатом правильного воспитания их информантом. Так, важная ценность, передающаяся в процессе воспитания детям, – получение образования. Позитивно оценивается воспитание любви к труду, передача умений, практических навыков: **Я хоть сама и неграмотна, но всех детей своих повьучила.** Ну, думаю, повьучу всех. Я знаю, что я умная, да вот записать-то ничего не умею. И ум-то потому не к месту; **И муж, и дети у меня всегда чи'сты ходили.** У меня этого не было, чтоб грязь. И в дому' всегда прибрано было. **Я и ребятишек к порядку приучила.** Всё они у меня делали и сейчас в колхозе хва'лют, **что всё умеют делать.** Раньше трудно было жить, а тапе'рь лучше жить. Установи'лась жисть хорошая, помира'ть не захочешь никак; Детей? [Ну, ваших. Может в строгости, как ваша мама?] Да-а. [Да?] Да. В строгости. Вот эта вот внучка залезла ко мне на... на эту самую, на койку. Правнучка уже, у меня дети никогда не лазили на койку. Раньше был, были диваны такие, круглые подлокотники такие были, тута полочки. Вот у меня стояла, эта самая, стоял диван, всё беленькое было. Не такие... вот... всё это, и вышивки все были. И чтоб у меня ребёнок залез на этот диван [смеётся]! Я не разрешала. **Дети мои не лазили, это самое. Чтоб за собой всегда всё убирали.** Вот в школу ходили уже, Маринка, конечно, она уже на десять лет моложе Вовки младшего. А вот Нина с Вовкой, у нас они приходят из школы, они снимают форму с себя, вешают на плечики. В шифонер не достанут, дак с той стороны был такой кручо'чек. Они это всё вещи положили. **Чтобы вещи и'хние когда валялися, я не, это самое, никогда.** [С правнучкой уже не так строго?] А? С пра-

внучкой я... Ну я всё равно, я ей сказала: «Вероника, на койку нельзя лазить». Она так на меня посмотрела [смеясь], а я это... Стоит мать её и говорит: «Вероника, ведь баба нам никогда не разрешала на койку»... внучка. Никогда на койку не разрешала. И даже свекровка говорила мне: «Ты не любишь детей». Что ты... я так, это самое, с детьми. Я говорю: «Неправда». Я детей очень любила. Я вот маленькой, девчонкой была, я нянчилась, я сколько там детей вот, ну... там кода мы жили. Столько детей там по это... Де... Ребятишки бегают, играют, а я с деть'ми сижу. Мне вот охота было с детьми сидеть, нянчиться с ними; Вот, мы сошлись с им хорошо жили, на нас все завидовали, что мы хорошо живём. У нас ребятишки уже пошли. Ребятишки пошли в школу. **Дети учились хорошо. Мы всегда были в хороших родителях, что дети наши учились хорошо.** Мы за детей никогда', ни за одного, у нас уже Вовка, пацан пошёл, не хулиганистый был. Все равно хвалили, что учился хорошо.

Наличие патриархальных установок, согласно которым женской сферой является дом и связанные с ним повседневные работы – стирка, уборка, приготовление пищи, демонстрируют высказывания, в которых информанты рассуждают о **женской доле**: *А стирать-то некогда даже было. Вот по ночам даже стирать приходилось. Корзину белья мокрого накладёшь и та'шьишь домой, тяжело шибко, а тащишь. Куда ж денешься, така' уж наша женская доля. Мужики то целыми днями в поле рабо'тат, а у меня-то и мужика не было, всё сама делала, мать помогала, а потом уж и сами дети выросли, помогать стали* (Шег. Бат., 1986, 1913); *Ва'рево – это слово повседневное, частое. «Опять наступило вареве». Это значит: «Ой опять готовить надо: варить ли, жарить – хлопотать». Такова наша доля женская, бабья: ва'ришь, па'ришь каждый день божий* (Верх. Б. Яр., 1979, 1927).

Рассказывая о себе, своих жизненных принципах, женщины приписывают эти качества другим людям – представителям «своего» поколения, тем самым демонстрируя принадлежность к определенной социальной, статусной или возрастной группе, создают впечатление соответствия норме (**как все, все такие были**): *Я жила в общежитии, ну, как и все. Ходили там на танцы. Была как-то тихая такая, скромная... Ну, как бы [смеётся] сейчас я бы уже такой не была...*

Потому что и все мы были такие; Работали как все, чё... Вот и, вот так мы жили, перебивались кой-как.

Сравнивая «своё» поколение с современным, информанты отмечают изменение принципов, ценностей и черт характера.

Так, поколение информантов представляется в рассказах:

– Более работоспособным и выносливым: *Работали много. Вы танцую учитесь, а мы раньше молотили, да коноплю рвали; Летом работали день и ночь. А сейчас. Он литовки держать не умеет.*

– Более смелым: *Сночехо'й ездили на покос. На лошади пове'шашь, садишься верхо'м и едешь. Знаешь, как мы ездили верхом? Я вот, например, родила'сьзде'ся, в посёлке Толмачёво, и вот в Парабель всегда верхом ездили. Да ешио' с ребятами впогон'ку, кто обгонит. А теперь вас посади, вы и не сумеете, испуга'тесь. А мы не боялись. Только бы попалась лошадь – сейчас в стремя, там и поехали.*

– Менее раскрепощенным (о девушках): *Раньше лёлка за невесту ручается, что она честная. На лёлку хомут наденут, если соврёт. Раньше позор был, а счас без позору. Молодёжь бессовестная стала, ни уважению, ни приглашению; А вот пойдёшь, ты вместе и идёшь вместе – парень и девка – вместе мы все ходили. Ну и вот тут как-то и как познако'мисся и всё. И вот и начал, вот он ходит за тобой без конца: «Пойдём туда, пойдём сюда». Но такой не было истории, как сейця'с творится. Это бы я пошла в чужу' квартиру в кладовку с парнем спать. [Вот раньше же тоже были «плохие девушки»?] Да, были. [Вот какие они были?] Тоже также рожали детей, не замужем и рожали вот. Но их тогда', колхозные собранья были, их на собраниях ругали, и всё председатель, вся'ко; Ну чтоб рубаху видно было, мы бы **совестились**. Раньше совестливей были.*

– Уважающим своих родителей: *Тогда родителей почитали. Щас родителей не почитают.*

Положительное впечатление женщины пытаются произвести через описание преодоления трудностей, с которыми пришлось столкнуться в жизни, характеристику своей жизни как трудной, тяжелой: *Я работала на лесозаготовках, когда шио' была молода. В войну досталось мне. Вся юность наша была в лесу. И учиться не пришлось, всё война покалечила; Вот и но'нче соберёмся со старухами, да говорим, чётало': раньше молоды' были, – **жисть была шибко тру'дна**, а тапе'рь жисть вроде ле'кче, дак опять старось поджима'т; Чё и говорить, миленька,*

плохо, ох и плохо пришлось. Тапе'рь у нас совхоз, а тоды' ой как **плохо жили!** Убили сына, коды' война была, так и вовсе худо стало. Людей всё в армию забирали. Е'то тапе'рь вно'го жителей, оне' тутошние все, а коды' война была, половина на фронт забирали. Счас хорошо, правды. Ну тоды', до войны, тоже хорошо жили, только **тяжело работали.**

Достойный образ формируется при отрицательной оценке или осуждении поступков и моральных качеств других людей, тем самым демонстрируется отсутствие данных качеств у себя: *Она така' **растрёна**, ходит как попало: здесь петелька есь, пуговки нету, здесь пуговка есь, петельки нету. Некуды'шина, **растрёна** шибко; Сноха моя – у неё муж утонул – без очереди в магазине лезла, а ей сказали, что без очереди, так она всех обстраи'ла, **страмовка** и всё; Живёт сын хорошо, правда безденежно, да тапе'рь все так в городе живут. Говорила ему приежжа'йсюды', хату, корову заведёшь, свиней да и жили бы припеваючи. А что? Нет. Потому что сноха городска' кака'-то. Ехать в деревню не хочет. Она сюды'-то приедит с им на отдых и то бои'тса переломи'тса. Мало что помога'т. Хочь бы побелила. А пол мыть начнёт – **срам** единый. Я уж ему говорила, что, говорит, мамаша, у нас кака'-то палка, там у их есь, вот они и моют палкой пол. С ума посжива'ли люди.*

В следующих фрагментах женщины демонстрируют ценности, связанные с отношением к своим детям: *Вот так и жила всё, моя ягодка, и детей растила. Я осталась одной в двадцать шесть лет. И не запилась, и замуж не выходила. Вот. Всё детей растила. [А почему замуж не выходили?] А, ду'машь, что их обидит. У нас у снохе вон за стеной. Осталось одна она рано-то. У неё двое детей осталось, а она какого-то взяла. А Надежда у меня всё: «Мама, возьми папу! Мама!». А четыре года у неё. Осталась с войны. «Надька! Куды' мы с папой-то». Потом чё, пошла, они обедали. Она ему молока поставила, у неё корова же была, доилась. А им простокваши налила. А меня досада взяла. Думаю, меня'т детей на мужа. Вот пришла и говорю: «Надька, ты больше не напоминай папу». Я говорю: «Вон она Зойку да Серёжку перстроки'шей вперёд ему не даёт. Вот когда он молоко выпьет, тода' он вместе с ими перстроква'шу будет хлебать. Не поминай, – я грю. – И с тех пор не заходи!»; Вот соседка моя, кото'ра на председателя вам жаловалась, всю жизнь не рабо-*

тала: один у её сын, так разве она его ро'стила? Роди'ла и бросила, сама за мужиками побе'гла. И работать не работала. Два-три года ежели она работала – так е'то ещё хорошо; Полюбили друг дружку и сошлись [о замужестве]. Четыре года девять месяцев прожили и – война. Ушёл на фронт и погиб. Я замуж больше не пошла, детей не захотела изменять. У меня три сына было.

К языковым средствам реализации тактики передачи положительной информации о себе относятся:

– Лексические единицы, выражающие положительные качества и характеристики информанта: слова с оценочными семантиками, метафоры, сравнения: **Я как белка лазила. С кедры' на кедру' переходила. Так и доставала шишечки; Трудилась как та пчёлка. Сеяла, семь лет вручную сеяла.**

– Существительные с ласкательными суффиксами: **Я такая чистю'лечка, что только вот вымою, приду, они мальчишки – настругают.**

– Существительные, наименования различных статусов, званий, наград: **Были, у меня всё есть, и премии, и медали есть у меня, и эти, почётные грамоты. Орден, у меня орден есть один.**

– Слова-усилители оценочных смыслов: **очень, шибко, вообще, как, какой, такой, уж**, призванные обозначить высокую степень выраженности какого-либо признака: **Всё есть, но ничего не можем сготовить, я очень люблю стряпать, угощать, а не могла тогда).**

– Высказывания с предикатом **хвалить**, отсылающие к чужому мнению об информанте: **Я всё и вывозила на своих руках. Этим вот я и пондра'вилась им всем, они уж меня ши'бко кругом потом хвалили на людях.**

– Высказывания с утвердительной модальностью, в которых употребляются наречия, указывающие на временной и пространственный охват: **всегда, везде**, что является утверждением ценностей, идеалов вне времени, вне пространства, носят родовой характер: **Мы всегда были в хороших родителях, что дети наши учились хорошо.**

– Высказывания, включающие сравнения, сопоставления, направленные на акцентирование своих особых умений и навыков: **Я кули в колхозе ткала. Никто не умел, а я умела; А раньше я на всё мастерица была. И ткала лучшие всех в селе, и пряла'. А уж какие скатёрки вышивала, дак загляде'нье. У меня их в город брали, смотреть увозили.**

– Высказывания, включающие оппозицию **раньше / тогда – сейчас / теперь**: *Ну, молодёжь были почётливые, родных уважали, отца-мать уважали, были скромные. Это вот как сейчас матерятся. А раньше, что ты.*

Таким образом, самопрезентация осуществляется прямым (через обращение к своим качествам характера, действиям) и косвенным (через описание качеств, свойств, оценки окружающих людей) способом.

2. Передача отрицательной информации о себе.

Тактика передачи отрицательной информации о себе в женском диалектном дискурсе представлена в меньшей степени. Как показал анализ материала, чаще всего она касается оценки качеств, не зависящих от субъекта и связанных с объективным течением жизни.

Наиболее частотной для женского диалектного дискурса является отрицательная оценка своего интеллекта, памяти, речевых способностей, внешнего вида, связанных с возрастными изменениями: **Какая я теперь собеседница!? Я уже говорить не могу. Что скажу – минута пройдёт, Я уже забыла, что сказала.** *Ну, и что вы будете записывать, что я говорю и потом что?.. Ну это целую книгу надо написать про мою семью, про историю. Одни... кому это нужно теперь [Сколько вам лет?] С первого марта пошло восемьдесят девятый год, вот мне сколько лет. Я роди'лась в двадцать четвёртом году. Это страшно слушать эту цифру. Я уже глухая и говорить не могу. Раньше собеседница была какая-то, ну... только начну говорить, и у меня развивается мысль, и всё, а теперь уже всё пропало. Вам это, конечно, не понять... вот, а сюда в тридцать первом году, куда' ссылали всех сюда. Сколько этих губернаторов, сколько, страшно говорить, сколько начальства пе'режито, и я уже их могу и не всех вспомнить; А. Ну, сё ремя тут живу. Тут родилась, тут и живу. Вишь какие мы грязные, страшные, стар'ры. Уж и на людей-то не похожи, чё тут с нами разговаривать-то? Ну, садитесь, чё хотели вы?; А я-то уже, ещё и глухая шибко. Близко-то [слышу]. Вот тута сижу, а они в этой комнате разговаривают, а говорят как не по-русски, я их не понимаю. Разговор слышу, но это... Дак дверь-то... **Попортились уши, попортились.** Не так уже слышу. И вот когда уже чё скажут, я уже: как? Чего? Знаешь, молодые-то не то, чтобы там, да ну тебя уже, привязалась. Покамест тебе, до тонкости не расскажешь. Всех замучу. Уже года, чё ж. Если бы было мне там пятьдесят лет, и то е'то уж, а ведь это восьмой десяток уж мне идёт. И вот*

так я подумано: уж долго я живу. Уж два десятка, их ещё не чувствуешь, а ведь это ж восемь, это только сказать! Это их прожить.

Отрицательно оценивается несоответствие социальным нормам, связанных с возрастом: *И вот чеча' шиеися'т лет. Семь детей у меня было, вобиз' десять у меня было, вырастила семь. Седьмой-то от в пятый класс ходит. Молодые не носят, а я **старая дура** на пятидеся'тым принесла.*

Необходимость соблюдения норм, принятых в обществе, доказывает частотность употребления лексических единиц **стыд**, **стыдно**, **позор** при реализации стратегии самопрезентации в женских автобиографических рассказах.

Причинами того, что женщины испытывает стыд за себя, могут быть:

– Несоответствие внешнего вида сложившимся нормам: *Нам бывало сколько было, ну лет по десять, а чё, давай ходить в этих, как их сейчас называют-то, купальники. А раньше-то их не было. Рубашки нижни были, оденешь, застегнёшь, во, купальники. **А дед как увидел, как попёр на нас. Так выдрал.** И больше чтоб так вышел в ограду, как сейчас выходют, **стыдно**. Вот я даже сейчас, уж наглядно всё так, всё равно я к этому привыкнуть не могу. Мы воспитаны не тем духом.*

– Неблаговидные поступки детей: *Так вот моя Татьяна с подружкой ночью залезли в огород к соседям. Решили они ягоду порвать, клубнику. А ночь тёмная, ягоды не видно. Они её больше не рвали, а топтали. Принесли домой поели зелёную, а шкурки от ягоды покидали домой на тротуар. Утром соседка приходит и жалуется мне, что кто-то ночью ягоды потоптал. Жалко ей. Говорит, говорит, а я гляжу, в углу двора ошкурки валяются. Она тоже заметила, но ничего не сказала. Ушла. Да, **стыдно было**. Девчонок своих отругала хорошенько, чтобы не повадно было лазить в чужие огороды.*

– Некоторые физиологические состояния, особенности: ***Потеряла я зубки. И, вроде бы, как сказать, и стыдно про них говорить.** И где положила, не помню, куда, но у меня никто никогда не видел их. Никогда, я их никогда не показывала, потому что как бы ну чтоб меня не забре'зговали, ничё. Всё уже выискала, нигде нет; Он на тринадцать лет был старше меня, на четырнадцать. Ну и что, конечно, как Вам сказать... **Мне и стыдно говорить это... И забеременела я.***

А мне уже было, когда это пришло, четыре зимы работала, на кирпичных двенадцать лет работала.

Негативную оценку получает принадлежность информантов к сельской культуре, низкий уровень образованности, отсутствие квалификации, профессии.

При общении с диалектологом женщины характеризуют отрицательно себя как жителя деревни: **Я? Проста работница, крестьянка, да и всё. В деревне чем работаешь, чё придётся, то и работаешь; Вижу, как молочко переливается, а таперь погляди – мы уж, говорит, прилетели. С солнышком прилетели, а буран был, <сосветный> буран. Дура деревенска, не видывала, не слыхивала ничего.**

Негативная самооценка также связана с неграмотностью, отсутствием образования: **Я неграмотна, ни холера не знаю. Я кака'-то бестолкова.** В то же время женщины стремятся объяснить свои высказывания и поступки для того, чтобы избежать негативных оценок. Так, например, информанты ссылаются на внешние обстоятельства, рассказывая об отсутствии образования из-за бедности, необходимости работать с раннего детства: **Да ведь ребяташики большие стариков теперь знают, учутся все. Учителя для них приезжают, по классам всё разделёно. А нас обучили чуть буквы читать, вместе всех учили. Да и время не было ши'бко учиться, работать надо было. Дак чё знала, всё перезабыла; Я сама неграмотная, некогда было грамоте в наше время учиться. Сама-то я в колхозе всю жизнь проработала; За мной к тятэ приходили, говорили, что учи'ца надо, а в школу-то ходить нам в чём было... Неграмотная я. И дома, и в колхозе работала. Туда пошла пятнадцать лет было мне. Косила, жала. Все на себе таскала, дрова рубила. Всё делала; Негра'мотна. Ни одного класса не кончала. Чё в школу ходить, прясь, ткать, холсты надо; Поучились, семь классов кончила, поступить никуда не поступила. Може быть, я училась хорошо, мо'же быть поучилась бы, так ничё, грамота мне шла. Жить в городе негде было. Папа у нас умер накануне войны, в сороковом году. Нас было четверо детей, маме было трудно, в о'бшэм, я осталась в деревне. Но, чё в деревне? Работа началась, моло'деньки начали работать, работа тяжёла, война, жить тяжёло, трудно, голодно, холодно. Но пережили, слава богу, всё; Учутся оба хорошо, сама неграмотна, своих родителей ругаю. Они меня не учили.**

Некоторые поступки в прошлом женщины оправдывают возрастом, неопытностью: *Замуж вышла, молодая была, дура... Надо было сперва узнать, какой характер, какой чего, а потом выходить. Вот так, девчонки. Так узнавайте, испытывайте их, суков таких; Ну, были. Ну, делали. Нет, аборт, мне это делали тут, я соврала, только довыскребали раз.* [Ну, так называют.] *Молодыми нормально были, а щас карьер, ой, вот дура-то была молода. Жизнь-то как было? Ничё негде взять, ничего.*

К языковым средствам реализации тактики передачи отрицательной информации относятся:

1) лексические единицы, выражающие отрицательные качества и характеристики информанта: оценочные номинации: *Я вот прошлый год, дура, отдала его*; прилагательные: [А можно сфотографироваться с вами?] *Ну, пожалуйста.* [Спасибо!] *Давайте, мы с вами будем? Ой я старая, страшная, морщиниста;*

2) синтаксические конструкции, содержащие описание неблагоприятных фактов, действий и поступков, заслуживающих осуждения: *Слезливая я к примеру. Сижусь и плачу. С нервами плохо. Что-нибудь такое и в слёзы. Растапаны нервы, ни с того ни с сего, кто-нибудь обидное слово скажет, током как ударит в сердце и слёзы. Нервный человек. У меня, бывало, колотушкой не выбьешь слёзы. А тапе'рь приду к врачу, у меня слёзы ручьём. Другой раз даже стыдно.*

Таким образом, стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе реализуется двумя тактиками. Их вербализация осуществляется с помощью разноуровневых языковых средств: лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических.

Выявлено, что положительная самопрезентация связана с морально-этическими нормами, отрицательная – в большей степени коррелирует с физической сферой жизни.

В процессе самопрезентации женщины демонстрируют соответствие сложившимся нормам и идеалам, принятым в обществе.

Анализ обнаруживает сложное дискурсивное взаимодействие двух рассматриваемых понятий: самоидентификации и самопрезентации. Маркирование собственной идентичности осуществляется посредством использования стратегии самопрезентации. Наиболее «приспособленной» к передаче идентификационных смыслов является тактика передачи объективной информации, широко представленная в женской речи.

Литература

1. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. 304 с.
2. Майерс Д. Социальная психология : пер. с англ. СПб., 2007. 794 с.
3. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. 312 с.
4. Крижановская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. Л., 1990. 204 с.
5. Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. М., 1997. 166 с.
6. Кыштымова Е.М. Психосемиотические основания создания и функционирования индивидуального образа. Имиджелогия – 2006: актуальные проблемы социального имиджмейкинга : материалы четвертого междунар. симпоз. по имиджелогии / под ред. Е.А. Петровой. М., 2006. С. 155–159.
7. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения. М., 2001. 245 с.
8. Доценко Е.Л. Манипулятивные технологии // Реклама: внушение и манипуляция. Самара, 2007. С. 637–703.
9. Пикулёва О.А. Самопрезентация женщин старшего возраста: российские особенности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 69–77.
10. Дубских А.И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиаальном дискурсе (на материале «звездных» интервью) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 225 с.
11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
12. Лаппо М.А. Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 6, № 2. С. 72–76.
13. Волошина С.В. Коммуникативная стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 9 (92). С. 261–265.
14. Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных дебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96–102.
15. Полатовская О.С. Коммуникативная стратегия самопрезентации (на материале американского политического дискурса) // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2015. С. 112–121.
16. Никифорова Э.Ш. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса // Вестник ЧелГУ. 2012. № 17 (271). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-sudebnogo-diskursa> (дата обращения: 03.04.2020).
17. Уланов А.В. Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // Язык и культура. 2014. № 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-voennom-diskurse> (дата обращения: 03.04.2020).
18. Дайнеко П.М. Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

19. Солодкова Е.В. Женский автореферентный дискурс в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 204 с.

20. Минец Д.В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2012. 177 с.

The Communicative Strategy of Self-Presentation in Female Dialect Discourse (Based on Autobiographical Stories)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 47–67

DOI: 10.17223/23062061/24/3

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: demeta@yandex.ru

Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail:

tolstova_11@mail.ru

Keywords: communicative strategy, self-presentation, gender, discourse, dialect, dialects of Middle Ob region.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-312-90046.

The article examines the communicative strategy of self-presentation in female dialect discourse. Female dialect discourse is understood as a gender-marked type of dialect discourse. On the one hand, it incorporates all the features of dialect discourse; on the other, it has a number of features due to the gender of the subject. The sources of the study were oral autobiographical stories recorded during dialectological expeditions organized by the staff of Tomsk State University from 1946 to the present time in the areas where Russian old-timer dialects of the Middle Ob region are in use. The description of self-presentation strategy tactics in the female dialect discourse includes the following stages: identification and typification of the main tactics; analysis of their content; description of their linguistic expression. Based on the nature of the data provided (presence or absence of a subjective evaluative component), the authors identified the key tactics implementing the strategy of self-presentation: transferring objective information and transferring subjective information. The tactic of transferring objective information about oneself involves the transfer of factual information of a logical nature, which is based on facts: age, marital status, presence/absence of children, profession, place of residence, etc. The tactic of transferring subjective information contains the respondent's evaluation of their appearance, character traits, intellectual level, life experience, description of the emotional state, interests, demonstration of attitudes. A positive impression of oneself in female dialect discourse is verbalized through the creation of a worthy image that corresponds to social and moral norms. Women demonstrate the following character traits and life principles: diligence, honesty, decency, calm temper, cleanliness, hospitality, negative attitude to alcohol, etc. Life values and principles are expressed through a positive description of close relatives, contrast with other people, negative evaluation or condemnation of actions and moral qualities of

other people. The transmission of negative information about oneself is associated with evaluations of one's intelligence, memory, speech abilities, appearance, age-related changes, as well as the informants' belonging to rural culture, low educational level, lack of qualifications and profession. The communicative self-presentation strategy tactics in female dialect discourse are verbalized using multilevel linguistic means: evaluative vocabulary, metaphors, comparisons, numerals, adverbs, and various types of statements.

References

1. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Translated from English by E. Vlasova. Moscow: Kuchkovo Pole.
2. Myers, D. (2007) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
3. Cooley, Ch.H. (2000) *Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyy poryadok* [Human nature and social order]. Translated from English. Moscow: Ideya-press.
4. Krizhanovskaya, Yu.S. & Tretyakov, V.P. (1990) *Grammatika obshcheniya* [Communication Grammar]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Shepel, V.M. (1997) *Imidzhologiya: sekrety lichnogo obayaniya* [Imageology: secrets of personal charm]. Moscow: Kul'tura i sport.
6. Kyshtymova, E.M. (2006) Psikhoosemioticheskie osnovaniya sozdaniya i funkcionirovaniya individual'nogo obraza [Psychosemiotic basis for the creation and functioning of an individual image]. In: Petrova, E.A. (ed.) *Imidzhologiya – 2006: aktual'nye problemy sotsial'nogo imidzhmeykinga* [Imageology – 2006: Topical Problems of Social Iagemaking]. Moscow: RITs AI. pp. 155–159.
7. Petrova, E.A. (2001) *Vizual'naya psikhosemiotika obshcheniya* [Visual Psychosemiotics of Communication]. Moscow: Gnom i D.
8. Dotsenko, E.L. (2007) Manipulyativnye tekhnologii [Manipulative technologies]. In: Raygorodsky, D.Ya. (ed.) *Reklama: vnushenie i manipulyatsiya* [Advertising: suggestion and manipulation]. Samara: Bakhrakh-M. pp. 637–703.
9. Pikuleva, O.A. (2014) Self-presentation of older women: Russian specifics. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 1(70). pp. 69–77. (In Russian).
10. Dubskikh, A.I. (2014) *Realizatsiya kommunikativnoy strategii samoprezentatsii lichnosti v mass-medial'nom diskurse (na materiale "zvezdnykh" interv'yuu)* [Implementation of the communicative strategy of personality self-presentation in mass-media discourse (based on "star" interviews)]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
11. Issers, O.S. (2003) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: Editorial URSS.
12. Lappo, M.A. (2012) Samoidentifikatsiya i samoprezentatsiya v raznykh tipakh diskursa [Self-identification and self-presentation in different types of discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Psychology*. 6(2). pp. 72–76.

13. Voloshina, S.V. (2014) Communicative strategy of self-presentation in autobiographical discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 9(92), pp. 261–265. (In Russian).

14. Atman, O.V. (2011) Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh debatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA [Verbalization of the self-presentation strategy in presidential pre-election debates as an agonal genre of political discourse in the United States]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1(35). pp. 96–102.

15. Polatovskaya, O.S. (2015) Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii (na materiale amerikanskogo politicheskogo diskursa) [Communicative strategy of self-presentation (based on the American political discourse)]. In: Shapochkin, D.V. (ed.) *Politicheskii diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy* [Political discourse in the paradigm of scientific research]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 112–121.

16. Nikiforova, E.Sh. (2012) Communicative strategies and tactics of trial discourse. *Vestnik ChelGU*. 17(271). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-sudebnogo-diskursa> (Accessed: 3rd April 2020). (In Russian).

17. Ulanov, A.V. (2014) Communicative strategies in the military discourse. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4(28). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-voennom-diskurse> (Accessed: 3rd April 2020). (In Russian).

18. Dayneko, P. (2011) *Diskursivnye strategii samoprezentatsii v institutsional'nom internet-obshchenii* [Discursive strategies of self-presentation in institutional Internet communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

19. Solodkova, E.V. (2011) *Zhenskiy avtorreferentnyy diskurs v angliyskom yazyke* [Women's author's discourse in English]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.

20. Minets, D.V. (2012) *Gendernaya kontseptsfera zhenskogo memuarno-avtobiograficheskogo diskursa* [Gender conceptual sphere of women's memoir-autobiographical discourse]. Philology Cand. Diss. Cherepovets.